

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-58-72

СОЦИАЛЬНЫЕ ДИСТАНЦИИ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ*

Л.А. Беляева

Институт философии РАН
ул. Гончарная, 12-1, Москва, Россия, 109240
(e-mail: bela46@mail.ru)

Социальное пространство представляет собой теоретический конструкт, который позволяет анализировать многие актуальные проблемы развития общества, в том числе его консолидации. В статье социальное пространство рассмотрено как совокупность социальных статусов и дистанций. Их объективные характеристики взаимосвязаны с субъективными показателями, измеряемыми с учетом мнения индивидов. Баланс статусов и дистанций в обществе и приемлемость этой структуры для большинства населения обеспечивает устойчивость общества и эффективный социальный контроль. При нарушении этого баланса возникают социальные напряжения, угрожающие стабильности и консолидации общества. Идеи, разработанные в теориях социального пространства, обладают немалым эвристическим потенциалом для выявления актуальных проблем общественного развития, таких, как, например, солидарность, социальная стратификация и мобильность, социальные сети и их взаимодействие, связи и контакты локальной общности внутри и с внешним миром, взаимодействия структурированных социальных отношений и индивидуальных и коллективных практик, генезис социального пространства как результат общественного производства, представленного не только вещами, но и отношениями, и т.д. В соответствии с теорией П. Бурдьё в статье представлен анализ социального пространства как структуры социальных статусов, основанных на совокупности разных видов капитала: экономического, культурного, социального, символического. Эмпирическую базу статьи составили официальные статистические материалы и результаты мониторингового опроса на всероссийской выборке. В статье предложены и апробированы эмпирические индикаторы, которые показали возрастание социальных дистанций в обществе за счет перераспределения экономического и, как следствие, культурного и социального капитала. Сделан вывод, что социальное пространство России не обладает достаточной устойчивостью. Для обеспечения его стабильности необходим комплекс мер по сокращению социальных дистанций: реиндустриализация экономики с созданием высокотехнологичных рабочих мест, развитие цифровой экономики, улучшение системы массового среднего и высшего образования — эти меры заложат основы для восходящей социальной мобильности.

Ключевые слова: социальное пространство; социальные дистанции; экономический капитал; культурный капитал; социальный капитал; символический капитал; социальная мобильность

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО И СОЦИАЛЬНАЯ ДИСТАНЦИЯ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Современная Россия отличается глубокой социальной дифференциацией по целому ряду показателей: уровню доходов и образу жизни, обладанию материальными и социальными ресурсами, обеспеченностью социальными услугами —

* © Беляева Л.А., 2017.

Статья подготовлена при поддержке РФФИ. Проект № 17-03-50073.

медицинскими, образовательными, доступностью культурных учреждений и т.п. Наличие таких дифференцирующих факторов дестабилизирует общество, создает напряжение, которое основано не только на объективных структурных различиях, но и на субъективных представлениях, транслируемых символической системой и создающих образ расслоенного общества и имеющихся в нем структурных проблем. В России наблюдается высокая степень «избыточного неравенства» (1) (не только материального, но социального, культурного и т.д.), негативно влияющего на общественное развитие.

Чтобы составить общую картину дифференциации общества, целесообразно воспользоваться такими понятиями, как социальное пространство и социальная дистанция. Социальное пространство — метафорический конструкт, который не сводится к месту, где происходят события, явления и процессы, как не сводится к пространству геометрическому. В социальном пространстве распределены статусы социальных акторов, занимающих в нем определенные позиции и взаимодействующих на основе предписаний (законов), обычаев, интересов, ценностей и моральных норм. Социальное пространство — не статичное, а динамичное состояние, характеризующееся, с одной стороны, автономностью акторов (индивидов, групп, общностей), а, с другой стороны, их взаимодействием, которое может базироваться на разных уровнях взаимного доверия/недоверия и солидарности/антагонизма вплоть до взаимной поддержки/онтологической опасности. При этом социальное пространство размещено в физическом пространстве с его объективными структурами и внутри субъективных структур, порождаемых социальными статусами акторов и их представлениями об этих статусах.

Изучение социального пространства в России сегодня актуально как никогда, поскольку в обществе возникли новые социальные группы, а традиционные группы трансформировались, появились многочисленные слои, которые не могут справиться со сложными обстоятельствами в силу низкого потенциала жизнедеятельности. Сложившаяся за 25 лет глубокая материальная дифференциация общества в условиях современного системного кризиса усугубляется, порождая эксклюзию и настроения апатии в тех слоях, которые чувствуют себя брошенными и потерянными. Это, с одной стороны, а с другой — образовался слой богатых и сверхбогатых людей и их наследников, которые демонстрируют свои исключительные материальные возможности и стиль жизни, вступающий в резкий контраст с общественными настроениями.

Состояние социального пространства характеризуют дистанции между социальными группами, слоями и индивидами. Можно условно выделить показатели, представляющие совокупность *объективных* характеристик, формирующих социальные дистанции — образование, уровень дохода, выполнение управленческих функций, занятие бизнесом, самозанятость, наемный труд, этническая принадлежность, постоянное проживание/миграция и др. Значимы также и *субъективные* показатели, которым уделяется большое внимание в психологических и социологических исследованиях: оценки степени понимания и близости в личных и общественных отношениях, которые измеряются с использованием шкал социальных расстояний.

Для формирования системы объективных и субъективных показателей важно учитывать идеи социальных философов и социологов, разрабатывающих те или иные проблемы социального пространства: солидарность (по Дюркгейму); социальные дистанции, социальные круги (по Зиммелю); социальная стратификация и мобильность (по Сорокину); сети взаимодействия (по Московичи); связи и контакты локальной общности внутри и с внешним миром (по Знанецкому); социальный контроль, мобильность и маргинальность (по Парку); «концентрические зоны и концентрические круги» (по Берджессу); иерархически расположенные социальные слои (по Сорокину); взаимодействия структурированных социальных отношений и индивидуальных и коллективных практик (по Гидденсу); влияние повседневных социальных практик на общую организацию социальных систем (по Хагерстранду); генезис социального пространства как результат общественного производства, которое представлено не только вещами, но и отношениями (по Лефевру) [2. С. 22—35]. Теория социального пространства П. Бурдьё дает возможность сконструировать исходную точку (социальная позиция/статус), относительно которой выстраивается система отношений и взаимодействий субъектов. Она представляет социальное пространство как рационально сконструированную диаграмму, поля властного взаимодействия, движения различных видов капитала. Совокупность полей, власть над которыми дает обладание капиталом (экономическим, культурным, социальным, символическим), делает социальное пространство многомерным. При этом само социальное пространство определяется как структурная диспозиция полей: экономического, социального, культурного, символического. Концепция социального пространства России позволяет анализировать такие проблемы, как социальная дистанция между разными акторами; отношения идентификационные и взаимодействия — личные и обезличенные; наличие/отсутствие общих интересов и ценностей; формирование и взаимопроникновение социальных кругов и т.д.

Обращение к проблеме разных видов капитала при построении концепции социального пространства было предложено П. Бурдьё [5]. Концепция Бурдьё с его теорией капиталов создает теоретическую базу для эмпирического изучения многих характеристик социального пространства. Можно отметить, что в России недостаточно разрабатываются и используются эмпирические индикаторы, показатели, индексы, которые бы отражали структуру и свойства социального пространства. Использование конструкта «социальное пространство» требует определить те реальности, которые его наполняют, выявить их топологию, которая, по мнению Бурдьё, представляет собой социологию в объективистском аспекте. В данной статье предлагается рассмотреть социальное пространство *как пространство социальных дистанций, выраженных через группу эмпирических индикаторов и индексов, отражающих социальный статус входящих в него социальных акторов*. Но прежде будут рассмотрены другие подходы к измерению социальных дистанций.

Дифференциация социального пространства составляет важный аспект его существования, при этом социальные дистанции — главный показатель дифферен-

циации. Одновременно социальная дистанция — одна из самых успешных концепций в социологии, она широко используется в исследовании этнического, классового, гендерного, статусного и других видов отношений. Такие эмпирически верифицируемые феномены, как стиль жизни, возможности или ресурсы социальных групп и индивидов, их взаимодействие, зонирование мест поселений, концентрические зоны, или круги поселений и т.д., могут быть изучены во многих ракурсах при помощи такого эмпирически верифицируемого понятия, как *социальная дистанция*. Его особая значимость объясняется связью с социальным статусом.

Впервые данное понятие было выдвинуто Г. Зиммелем, для которого социальное пространство — освоенное человеком, имеющее границы, разделенное на зоны действия и взаимодействия индивидов. Зиммелю принадлежат идеи о социальных дистанциях, о городской пространственной среде, о влиянии больших городов на степень индивидуальной свободы и развитии особого рода духовности. У Зиммеля концепция социальной дистанции складывалась как такая интерпретация социальной жизни, в которой сочетается расстояние между акторами в геометрическом смысле с расстоянием в метафорическом смысле (социальное расстояние между статусами акторов). Понятие «социальная дистанция» было заимствовано у Зиммеля его учеником Р. Парком для понимания расовых отношений и городского расселения. У Парка это понятие характеризует степень близости между группами и индивидами, а степень близости измеряет то влияние, которое каждый оказывает на другого — чем значительнее социальная дистанция между индивидами и группами, тем меньше они взаимно влияют друг на друга.

Принцип социальной дистанции применялся представителями Чикагской школы для анализа структуры социального пространства города. В классической работе Э. Берджесса «Рост города: введение в исследовательский проект» развивалась идея концентрических зон на примере Чикаго [4]. В проекте осуществлялся динамичный анализ пространственной и социальной мобильности в условиях расширяющегося города, связанной с миграционными и другими динамичными процессами. Нужно ли говорить, что для России, особенно для больших городов, подобный подход к анализу городского пространства имеет большое значение. Проблема зонирования социального пространства и, как следствие, геометрического пространства, например, городов, сельской местности, рекреационных зон позволяет составить представление о сосредоточении определенных этнических, профессиональных, эмигрантских, социокультурных и других групп, проблемах их взаимодействия и потенциальных конфликтах.

Картографирование городского пространства по некоторым наиболее острым проблемам с определением концентрических зон внесет значимый вклад в разработку мер предупредительного характера для решения межэтнических, межконфессиональных, проблем взаимодействия мигрантов и постоянного населения в городах и сельской местности, а также поставит вопросы о развитии концентрических зон и их взаимопроникновении. Берджесс провел картографирование Чикаго, выявил 75 микрорайонов в зависимости от цвета кожи, национальности, уровня доходов и образования, профессии горожан, создал на основе социоло-

гических исследований теорию «концентрических зон», в каждой из которых сосредоточены определенные экономические и жилые структуры. Особое внимание Берджесса было направлено на процессы социальной и личностной дезорганизации, поскольку она изменяет темп жизни города. Социальную дезорганизацию он рассматривал не столько с точки зрения социальной патологии, сколько в контексте взаимодействия и приспособления, что ведет фактически к социальной реорганизации городского пространства.

Для современной социологии, изучающей жизненный мир индивида, важна идея Зиммеля о социальных кругах, в которые он включен. Вхождение в разные круги обозначает существование определенной социальной дистанции с другими акторами, не входящими в них. «Число различных кругов, к которым принадлежит отдельный человек, — писал Зиммель, — является, таким образом, одним из показателей высоты культуры. Если современный человек принадлежит прежде всего к семейству своих родителей, потом к семье, основанной им самим, а вместе с тем и к семье своей жены; если, далее, он принадлежит своему профессиональному кругу, что уже само по себе часто включает его в несколько кругов с различными интересами (так, например, во всякой профессии, где есть начальники и подчиненные, каждый находится в кругу своего особого вида деятельности, должности, бюро и т.д. в рамках этой профессии, которая всегда охватывает высших и низших); далее, он является членом того круга, который образуется всеми, кто равен ему по положению, но чей вид деятельности и т.д. — иной); если он осознает себя гражданином своего государства, сознает свою принадлежность к определенному социальному сословию, если он, кроме того, — офицер запаса, состоит членом нескольких союзов и общается с людьми самых различных кругов, — то это является уже очень большим разнообразием групп» [11. С. 412—413].

Наличие социальных дистанций — неотъемлемый элемент в устройстве современного социального пространства, он не представляет опасности для организации общества, если дистанции уравнивают его, не вызывают его разрушения, обеспечивают эффективный социальный контроль. Важна протяженность дистанций, их принятие индивидами, подвижный характер. Взаимозависимость объективных характеристик социальных дистанций и субъективной дистанции, измеряемой с учетом мнения индивида, образует баланс структуры статусов в обществе и приемлемости этой структуры, ее одобряемости или, по меньшей мере, индифферентности к ней населения.

Многообразие эмпирических *объективных* показателей социальных дистанций дополняется *субъективными* характеристиками, которые чаще всего изучаются с помощью шкалы Э. Богардуса с ее модификациями. Богардус предложил перечень из семи типов социальных взаимоотношений представителей разных этнических групп, проранжированных экспертами по степени проявления в них чувства товарищества и понимания: 1) принять в круг близких родственников по браку; 2) иметь в качестве «друзей»; 3) иметь соседями по улице; 4) принять как коллег по профессии в своей стране; 5) принять как граждан своей страны; 6) принять исключительно как гостей своей страны; 7) полностью выдворить из своей страны. Полученные в результате опроса коренных американцев оценки разных

этнических групп позволили Богардусу сделать вывод, что «ограниченные социальные отношения сопровождаются значительной социальной дистанцией... Социальная дистанция возникает из поддержания социального статуса, т.е. из *status-quo* в социальных отношениях. Удерживая других на расстоянии, человек поддерживает свое положение в кругу своих друзей. Потерю почти всего в жизни он переносит легче, чем потерю социального статуса; и отсюда *raison d'être* поддержания социальных дистанций» [5. С. 185—186].

Хотя шкала Богардуса чаще всего применяется для изучения межэтнических и расовых отношений, благодаря модификациям она используется для исследования социального дистанцирования других групп — по профессиональному признаку, уровню образования, доходу, занятиям, религиозной принадлежности, отношению к лицам с ограничениями по здоровью, отношению к представителям нетрадиционной сексуальной ориентации и любым другим группам [14. С. 20]. Возможно измерение социальной дистанции с представителями политических партий, общественных организаций и движений с применением модифицированной шкалы Богардуса и других шкал.

Необходимо подчеркнуть, что социальная дистанция устанавливается институционально, ее субъективная оценка отражает то, что регламентировано и отражено в средствах социального контроля, демонстрирует восприятие различий социального статуса участниками взаимодействия [1]. Нарушение социальной дистанции может санкционироваться как формальными, так и неформальными способами. В представлениях о каких-то группах присутствует отношение к целому спектру их объективных характеристик: их предполагаемый уровень образования, профессия, занятие, уровень дохода, национальность, опыт общения с людьми из этой группы и другие характеристики и обстоятельства. Таким образом, социальная дистанция есть объективно-субъективное понятие, когда, говоря словами С. Жижека, различия между объективной действительностью и субъективной видимостью отражаются в самой субъективной видимости.

Объективно социальная дистанция формируется реальными различиями между группами — экономическими, политическими, этническими, национальными и др. Система социальных дистанций служит неким «каркасом», базисом структуры общества, именно на ее основе упорядочивается система социальных статусов и могут формироваться социальные лестницы, ведущие вверх или вниз. В странах, находящихся на постиндустриальной, информационной стадии развития, сокращается действие жестких регуляторов социальных дистанций, постепенно разветвляются сети взаимодействия, которые регулируются поверх социальных кругов. Социальные дистанции утрачивают «железобетонный» характер, могут сокращаться при овладении индивидом или группой дополнительным объемом капитала, и не только экономического, но и культурного, социального, символического.

КАПИТАЛЫ КАК ФАКТОРЫ ДИСТАНЦИРОВАНИЯ В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

Каждый индивид и социальная группа занимают место в социальном пространстве в соответствии со своим статусом. Социальный статус определяет положение в обществе индивида или группы согласно некоторым важным для данного

общества объективным характеристикам — образование, уровень культуры, профессия, наличие собственности, обладание властными функциями, доход, другие характеристики, которые диктуют определенные нормы поведения и выполнение общественных функций. Формирование социального статуса происходит как под влиянием институциональных требований, так и с учетом обычаев, традиций и общественного мнения. В основе наличного социального статуса лежит совокупный объем капитала (экономического, культурного, социального, символического), которым располагают индивиды или группы. При этом определяющее влияние оказывает структура капитала, соотношение разных его видов в общем. Бурдьё утверждал, что социальные поля, соответствующие видам капитала, подчинены «в большей или меньшей степени прочно и непосредственно в своем функционировании и в своем изменении полю экономического производства» [7. С. 82], и, как следствие, капиталу экономическому.

Для измерения социальной дистанции целесообразно воспользоваться сравнением социальных статусов индивидов и групп согласно обладанию ими разными объемами капитала — экономического, культурного, социального и, резюмирующего их, символического. Если первые три вида можно относительно легко операционализировать в виде конкретных эмпирических показателей, то последний — символический капитал — представляет собой, по Бурдьё, «капитал чести и престижа, который производит институт клиентелы» [8. С. 225]. Это эфемерный вид капитала, трудно поддающийся эмпирической оценке, воплощенный в таких категориях, как авторитет, престиж, доверие, влияние, и в такой синтетической характеристике, как стиль жизни. Его можно определить как предпочтения в повседневности, которые демонстрируют возможности, предоставляемые экономическим, культурным и социальным капиталом. Как писал Бурдьё, «по мере восхождения по иерархической лестнице стиль жизни начинает занимать все более важное место в том, что Вебер называет „стилизацией жизни“» [9. С. 29].

В постсоветский период довольно быстрыми темпами начала увеличиваться социальная дистанция, обусловленная ростом экономического капитала у части населения России: стал образовываться слой сверхбогатых людей, получивших первую собственность в период приватизации.

В истории разгосударствления собственности выделяют несколько условных этапов. В рамках первого этапа была проведена так называемая «малая и чековая приватизация» (1992—1994). Малая приватизация — продажа предприятий через аукционы — позволила приватизировать до 70% предприятий торговли, общественного питания и бытового обслуживания. Чековая приватизация (ваучеризация) крупных и средних предприятий дала преимущества директорам предприятий и управленцам, а также теневым структурам, действующим через чековые инвестиционные фонды и использующим близость к организаторам приватизационного процесса. Второй этап — 1995 год: залоговые аукционы проведены для пополнения государственной казны за счет кредитов под залог государственных пакетов акций нескольких крупнейших государственных монопольных компаний. Ведущие предприятия нефтегазового сектора, крупнейшие порты, металлургические

предприятия, находящиеся в федеральной собственности, были приватизированы по заниженной цене и положили начало олигархической прослойке в составе предпринимателей. К началу 1998 года этот вариант был использован в отношении пакетов акций нефтяных холдингов ЮКОС, Сиданко, Сибнефть, Сургутнефтегаз, Лукойл, а также РАО «Норильский никель». Третий этап, длящийся с 1996 года по настоящее время, отличается продажей государственных и муниципальных предприятий через инвестиционные конкурсы, зачастую не прозрачные и допускающие сговор претендентов. Крупная собственность продается на внутрисоссийских и зарубежных биржах, продолжается смена собственников в результате рыночных операций продажи, слияния, разделения, выделения объектов собственности, а также ожесточенных акционерных войн, рейдерских захватов, банкротства в пользу «своих» и других противоправных действий. На всех трех этапах отмечается участие в приватизации криминальных группировок, использующих как «мягкие», так «жесткие» методы вступления в права владения собственностью.

Существенные изменения произошли в распределении горной ренты — дохода от хозяйственного, коммерческого или иного использования недр, извлечения запасов полезных ископаемых. В советский период 50% госбюджета формировалось за счет полного безналогового изъятия горной ренты. Положение резко изменилось после приватизации предприятий нефтегазового сектора. Использование природных ресурсов в начале постсоветского периода, особенно в нефтяном секторе, осуществлялось в благоприятном налоговом режиме (2—3% от стоимости товарной нефти в 1992—2001 годы), что позволило в переходный к рынку период за короткое время создать финансовую элиту. С января 2002 года была введена новая схема налогообложения, позволившая изымать большую часть горной ренты, что наполняло бюджет страны до 45,5% (2005) по сравнению с 21,6% в 2003 г. (2). Но при этом значительная часть ренты остается у частных владельцев предприятий, хотя недра — это общенародная собственность и, как писал академик Д.С. Львов, необходимо обращение ренты от использования природных ресурсов в доходы, которые будут аккумулироваться в системе общественных финансов. Доходы от природных ренты могли бы идти на развитие систем здравоохранения и образования, социальную помощь малоимущим слоям, а также на обеспечение воспроизводства минерально-сырьевой базы и сохранение окружающей среды [13].

В результате приватизации системообразующих предприятий сложилась система «власть—собственность», в которой предприниматели всех уровней зависят от властных структур и макроэкономических рисков. В свою очередь крупные собственники оказывают влияние на власть, добиваясь преференций и выгодных для развития собственного бизнеса условий и бюджетных вливаний. Достигнуто выгодное обеим сторонам слияние собственности и власти, но говорить о равенстве условий для развития бизнеса можно с большой натяжкой. Это порождает чувство несправедливости, которое транслируется и в далекие от предпринимательства круги, деформирует трудовые ценности и деловую активность среднего класса — основного поставщика предпринимателей в России. Экономическая эли-

та концентрирует в своих руках мощный экономический капитал, чем создает непреодолимую социальную дистанцию с обществом, а главное, элита нелегитимна в глазах большинства. И пока договор общества с этими кругами не будет достигнут, вопрос о законности и нравственном одобрении их деятельности в России остается открытым.

Оценить богатство отдельных имущественных слоев в России по данным статистики очень сложно. По мнению зарубежных исследователей, которые часто критикуются российскими экспертами, Россия существенно опережает многие крупные страны по уровню неравенства доходов. Но и по данным отечественных ученых, например, согласно мониторингу социально-экономического положения РАНХиГС, число долларовых миллионеров в России в 2016 году увеличилось на 10% и составило 132 тысячи (3). По уровню неравенства распределения богатства Россия — абсолютный чемпион мира, и отрыв от других стран тем больше, чем о более узком слое сверхбогатых людей идет речь. Все годы перехода к рынку при незначительных колебаниях по годам растет коэффициент Джини: 1995 — 0,387; 2000 — 0,395; 2005 — 0,409; 2010 — 0,417; 2015 — 0,413; 2016 — 0,414. В 2016 году у 20% населения с наибольшими доходами было сосредоточено 47,1% всех доходов, а у 20% с наименьшими доходами — 5,3%, а децильный коэффициент был равен 15,7 (4). В постсоветский период быстрыми темпами стала увеличиваться социальная дистанция, обусловленная перераспределением экономического капитала, формированием системы «власть—собственность». Стал образовываться слой сверхбогатых людей, получивших первую собственность в результате приватизации. Помимо этого произошло экономическое дистанцирование других доходных групп. По данным статистики, в 2014 году — накануне современного кризиса — сложились следующие группы — обладатели экономического капитала: богатые (8%), зажиточные (8%), среднеобеспеченные (43%), относительно бедные (30%), абсолютно бедные (11%) (рис. 1).

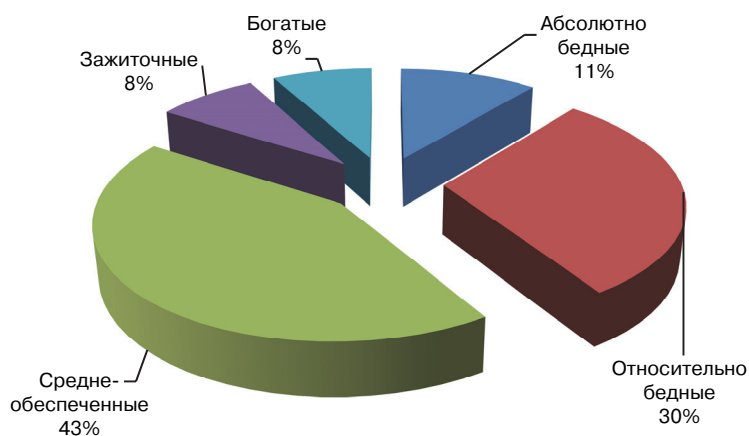

Рис. 1. Материальная дифференциация общества по уровню дохода (2014 год)

По большому счету общество разделено на две части — тех, кто достиг относительно высокого уровня жизни, имеет, как минимум, приемлемый доход, способный обеспечить социальный стандарт потребления, типичный для российского общества (среднеобеспеченные, зажиточные и богатые в сумме дают 59%), и тех, кто находится в состоянии относительной или абсолютной бедности (абсолютно бедные и относительно бедные — 41%), ощущает депривацию по важнейшим социально-экономическим потребностям. Экономическая дистанция продолжает расти за счет быстрого увеличения дохода верхних групп — зажиточных и особенно богатых, имеющих не только такие источники, как высокая оплата труда, но и доходы от предпринимательской деятельности и собственности. Существенное влияние на закрепление социальных дистанций в будущем будет иметь наследование экономического капитала. Сегодня от 100 до 150 тысяч российских семей владеют финансовыми активами свыше 1 млн долларов и контролируют 25—35% благосостояния в стране. Средний возраст владельца капитала — 50—55 лет (5). И хотя в стране за последние сто лет была утрачена культура поведения в области наследования, процессы наследования экономических капиталов будут идти в той или иной форме, будут складываться и передаваться семейные состояния — согласно принципам капиталистического общества. Экономические дистанции будут закрепляться и влиять на формирование и других видов капиталов — культурного, социального, символического.

Существенно и региональное влияние на формирование экономического капитала. Например, в Москве сосредоточена треть представителей наиболее доходной пятипроцентной группы населения России и каждый пятый из двадцатипроцентной группы с наибольшими доходами. Такая асимметрия в распределении экономического капитала по социальным слоям и регионам делает социальное пространство страны неустойчивым как по вертикали, так и по горизонтали, порождает «избыточное неравенство», которое стало значимым фактором социального недовольства и эксклюзии у значительной части общества, особенно в регионах.

Дифференциация общества по объему экономического капитала и сейчас, и в будущем будет порождать негативный социально-экономический эффект поляризации: несомненные преимущества высокодоходных групп в развитии человеческого капитала своего и своих детей, наращивание культурного, социального и символического капитала уже стали барьером для вертикальной социальной мобильности из других слоев. Закрытость верхних слоев характерна для большинства современных стран, но в процессе постиндустриальной модернизации в них увеличиваются рабочие места, требующие развитого человеческого капитала, и система образования реагирует на это выравниваем шансов получения качественного образования для выходцев из всех социальных слоев. По данным Европейского социального исследования, в странах-лидерах по инновациям и информационным технологиям, например, в Норвегии и Финляндии, у родителей с низким образованием дети чаще, чем в России, имеют высшее образование [3]. Этому способствуют не только бесплатность обучения на всех уровнях, но и забота государства о наращивании культурного капитала нации в целях развития экономики. В итоге

в этих странах средний класс, большинство представителей которого имеют высшее образование, составляет около 90% населения.

Среднему классу, его массовому представительству, отводится ведущая роль в сокращении социальных дистанций. К сожалению, в России средний класс, по данным нашего исследования, составлял в 2015 году не более 20%, снизившись по сравнению с 2010 годом на 4%. Соответственно, ожидаемая в начале экономических реформ стабилизирующая роль среднего класса и его активность в разных видах социально-политической деятельности не подтвердилась. Роль социально-политического стабилизатора в современной России наиболее последовательно выполняет только верхняя часть среднего класса, которая занимает промежуточную позицию между политически наиболее активной и конструктивной высокодоходной группой, с одной стороны, и политически наименее активной группой с низкими доходами, представители которой чаще склонны к радикально-протестным настроениям — с другой. Это подтверждает недосформированность российского среднего класса как массового социального субъекта [12].

В постсоветской России долгие годы снижалась роль образования в сокращении социальных дистанций. Если прежде образование являлось реальным трамплином для социального восхождения, то теперь наметился разрыв между сохранением этой ценности в сознании людей и практической реализацией образовательных и карьерных устремлений. В России появились экономические препятствия для получения качественного среднего и высшего образования для семей с низкими доходами, поскольку реальные расходы для успешной сдачи ЕГЭ и поступления в вузы постоянно растут, как и дополнительные платы в средней школе. Возможности материальной поддержки выходцев из таких семей при обучении в вузе также ограничены [10. С. 199—208]. Даже на основе дискуссий в медийном пространстве видно, что высокие баллы по ЕГЭ являются результатом упорных занятий учащихся с репетиторами, а не освоения программы обучения в школе.

Расширившиеся материальные возможности части семей в финансировании таких занятий, которые практиковались в более узких объемах в советский период, закрепляют взаимопроникновение и взаимоподдержку экономического и культурного капиталов, обеспечивающих социальное восхождение. Экономический капитал семьи становится все более важным фактором формирования культурного капитала посредством качественного высшего образования и продвижения по социальной лестнице. В результате увеличиваются социальные дистанции, транслируемые поколениям детей от родителей, закрепляется расслоение, обусловленное не только культурным капиталом родителей, что было обычной практикой в советский период, но и объемом экономического капитала, которым они располагают. Ответом служит девиантное поведение молодежи, лишенной материальной поддержки родителей во время учебы в вузах и социальной перспективы. Эта молодежь чувствует увеличивающуюся социальную дистанцию по сравнению с более успешной молодежью из верхних слоев. Такие настроения особенно распространены в средних и малых городах и на селе.

Массовые опросы также фиксируют наличие и закрепление социальной дистанции, обусловленной экономическим, культурным и социальным капиталом (6).

По данным мониторинга, экономическое расслоение стабилизировалось в начале 2000-х годов, обусловив раскол общества на две большие группы, которые зафиксированы в статистических показателях выше. Согласно опросу 2015 года немногим более половины населения (51%) может быть отнесено к неблагополучной группе по материальному положению, менее половины (44%) — к благополучной (табл. 1). Некоторое отличие от статистических данных объясняется тем, что богатые слои, как правило, не представлены в массовых обследованиях.

Таблица 1

«Какое высказывание характеризует Ваше материальное положение?» (в %)

Самооценка материального положения	1994	1998	2002	2006	2010	2015	Условные слои
1. Денег до зарплаты не хватает, приходится занимать	7	24	13	11	13	11	«нищие»
2. На повседневные затраты уходит вся зарплата	31	29	23	22	18	18	«бедные»
3. На повседневные нужды хватает, но покупка одежды затруднительна	28	21	30	21	21	22	«необеспеченные»
4. В основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг	22	14	22	29	31	33	«обеспеченные»
5. Почти на все хватает, но недоступны приобретение квартиры, дачи	7	10	11	9	11	9	«зажиточные»
6. Практически ни в чем себе не отказываем	1	1	1	2	3	2	«богатые»
Не знаю, отказ от ответа	3	1	—	6	3	5	

Сформировано устойчивое материальное расслоение общества с такими неблагоприятными пропорциями: соотношение примерно 50% на 50% трех нижних и трех верхних слоев сохраняется в течение 2000-х годов — это следствие отсутствия позитивных сдвигов в экономике и низких темпов создания массовых высокотехнологичных и хорошо оплачиваемых рабочих мест. В эти годы закреплялась социальная дистанция, базирующаяся на объеме экономического капитала. Также наблюдается устойчивая корреляция уровней экономического, культурного и социального капитала, создающих устойчивую социальную дистанцию между слоями. Эта гипотеза была проверена на данных массового опроса, в котором, как обычно, не представлены самые богатые слои, но который позволяет зафиксировать наличие основных социальных дистанций.

Двухэтапный кластерный анализ данных 2006, 2010 и 2015 годов показал, что социальное пространство России разделено на слои, между которыми существуют значительные устойчивые дистанции. В качестве индикатора экономического капитала была использована самооценка материального положения, культурный капитал оценивался через уровень образования, социальный — через руководство людьми. В результате были выделены шесть иерархических слоев: (1) руководители, имеющие высокий уровень образования; (2) специалисты, в основном с высшим образованием; (3) руководители с образованием на уровне среднего общего и специального; (4) реалисты — востребованные в экономике исполнители в ос-

новном со средним специальным образованием; (5) бедные специалисты — в основном с высшим образованием и низкими доходами; (6) реалисты — востребованные в экономике исполнители с низким образованием. С использованием порядковой шкалы была построена диаграмма (рис. 2), демонстрирующая разный объем трех видов капитала у этих слоев.

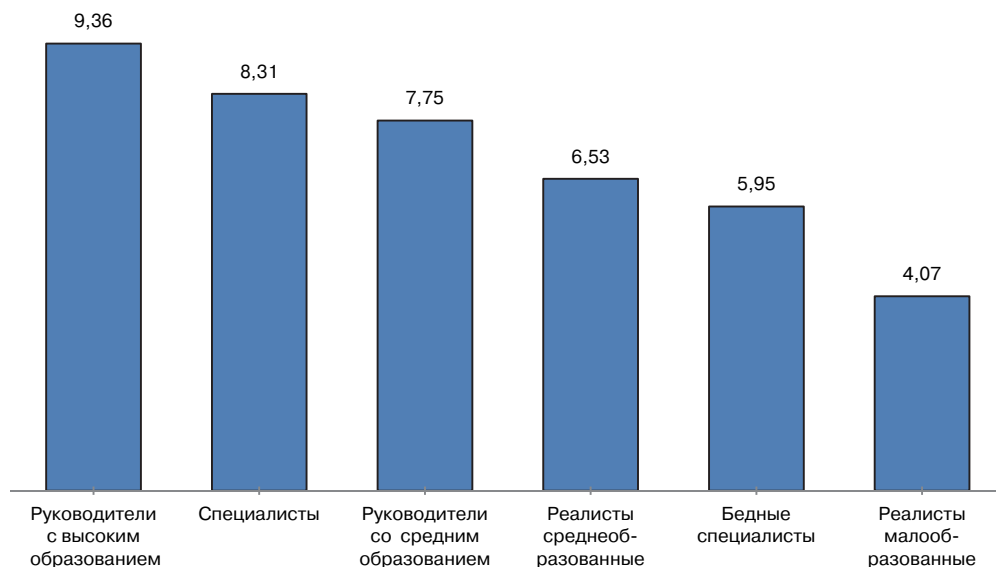

Рис. 2. Средний объем экономического, культурного и социального капитала (в баллах)

Очевидны значительные социальные дистанции между этими слоями. Но проблема состоит не просто в ее наличии, а в том, что три нижних социальных слоя составляют в совокупности значительную часть населения (40—50%), и в случае увеличения дистанции социальное пространство России может получить такие напряжения, которые будет трудно преодолеть. Их предупреждение требует, прежде всего, реиндустриализации экономики, развития цифровых производств, повышения качества среднего и высшего образования и создания высокоэффективных рабочих мест, способствующих массовой мобильности молодежи в более высокие социальные слои, что позволит обеспечить большую стабильность социальному пространству России.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Термин предложен А.Ю. Шевяковым: *Шевяков А.Ю., Кирута А.Я.* Неравенство, экономический рост и демография: неисследованные взаимосвязи. М.: М-Студио, 2009.
- (2) <http://www.promved.ru/next/article/?id=768>.
- (3) <https://ria.ru/society/20170316/1490180891.html>.
- (4) http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/poverty/#.
- (5) <http://www.forbes.ru/milliardery/344937-iz-ruk-v-ruki-vladelcam-kapitalov-nuzhno-dumat-osedmom-pokolenii-naslednikov-po>.
- (6) Использованы результаты всероссийского мониторинга, проводимого Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН с участием автора. Руководитель мониторинга — Н.И. Лапин.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Бабиц Н.С., Батыков И.В.* Ординальное шкалирование. Краснодар, 2004.
- [2] *Беляева Л.А.* Социальное пространство: от теоретических построений к эмпирическому изучению // *Философские науки*. 2012. № 6.
- [3] *Беляева Л.А.* Россия и Европа: структура населения и социальное неравенство // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2010. № 3.
- [4] *Берджесс Э.* Рост города: введение в исследовательский проект // *Личность, культура, общество*. 2002. Т. IV. № 1—2.
- [5] *Богардус Э.С.* Социальная дистанция в городе // *Социальное пространство: Междисциплинарные исследования: Реферативный сборник / Отв. ред. Л.В. Гирко*. М., 2003.
- [6] *Бурдые П.* Социология социального пространства / Пер. с фр.; отв. ред. Н.А. Шматко. М.—СПб.;, 2007.
- [7] *Бурдые П.* Социология политики / Пер. с фр., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М., 1993.
- [8] *Бурдые П.* Практический смысл. СПб., 2001.
- [9] *Бурдые П.* Различение: социальная критика суждения / Пер. с фр. О.И. Кирчик // *Экономическая социология*. 2005. Т. 6. № 3.
- [10] *Грани российского образования*. М., 2015.
- [11] *Зиммель Г.* О скрещении социальных кругов // *Зиммель Г. Избранное*. Т. 2. М., 1996.
- [12] *Латов Ю.В., Петухов В.В.* Выполняют ли российские средние слои роль социального стабилизатора (по данным социологических опросов)? // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2017. № 6.
- [13] *Львов Д.* Стратегия развития России // http://www.perspektivy.info/table/strategija_razvitiya_rossii_2007-03-16.htm.
- [14] *Ethington P.J.* The intellectual construction of ‘social distance’: Toward a recovery of Georg Simmel’s social geometry // *Cybergeo*. 1997. No. 30.

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-58-72

SOCIAL DISTANCES AS A FEATURE OF THE CONTEMPORARY RUSSIAN SOCIAL SPACE*

L.A. Belyaeva

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences
Goncharnaya St., 12/1, Moscow, Russia, 109240
(e-mail: bel46@mail.ru)

Abstract. Social space is a theoretical construct that allows to consider many key problems of social development including the society’s consolidation. The author defines social space as a set of social statuses and distances. Their objective characteristics are interrelated with subjective indicators identified through the opinions of individuals. The balance of statuses and distances in society and the acceptability of this structure for the majority of population ensure the stability of society and effective social control. If this balance is disturbed, social tensions arise and threaten the stability and consolidation of society. Thus, the ideas of the theories of social space possess a considerable heuristic potential for revealing urgent prob-

* © L.A. Belyaeva, 2017.

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research. Project No. 17-03-50073.

lems of social development such as solidarity, social stratification and mobility, social networks and their interaction, connections of local communities within and with the world, interaction of structured social relations and individual and collective practices, genesis of social space as a result of social production represented by both things and relationships, etc. According to the theory of P. Bourdieu, the author considers social space as a structure of social statuses based on the set of different types of capital: economic, cultural, social, and symbolic. The author uses statistical data and results of the monitoring survey conducted on the all-Russian sample. The article proposes some tested empirical indicators that proved the increase of social distances in Russia due to the redistribution of economic capital and, as a consequence, of cultural and social capitals. Thus, the social space of Russia cannot be considered stable. To ensure its greater stability we need a set of measures to reduce social distances: re-industrialization to create high-tech jobs, development of digital economy, and improvement of the mass secondary and higher education system — these measures can create a basis for the upward social mobility.

Key words: social space; social distances; economic capital; cultural capital; social capital; symbolic capital; social mobility

REFERENCES

- [1] Babich N.S., Batykov I.V. *Ordinalnoe shkalirovanie* [Ordinal Scaling]. Krasnodar; 2004 (In Russ.).
- [2] Belyaeva L.A. Socialnoe prostranstvo: ot teoreticheskikh postroenij k empiricheskomu izucheniju [Social space: From theoretical constructions to the empirical study]. *Filosofskie Nauki*. 2012: 6 (In Russ.).
- [3] Belyaeva L.A. Rossiya i Evropa: struktura naselenija i socialnoe neravenstvo [Russia and Europe: The structure of population and social inequality]. *Monitoring Obshestvennogo Mnenija: Ekonomicheskie i Socialnye Peremeny*. 2010: 3 (In Russ.).
- [4] Burgess E. Rost goroda: vvedenie v issledovatel'skij proekt [The growth of the city: An introduction to the research project]. *Lichnost, Kultura, Obschestvo*. 2002: IV (1—2) (In Russ.).
- [5] Bogardus E.S. Socialnaja distantsija v gorode [Social distance in the city]. *Socialnoe prostranstvo: Mezhdisciplinarnye issledovanija: Referativnyj sbornik*. Otv. red. L.V. Girko. Moscow; 2003 (In Russ.).
- [6] Bourdieu P. *Sociologija socialnogo prostranstva* [Sociology of Social Space]. Per. s fr.; otv. red. N.A. Shmatko. Moscow — Saint Petersburg; 2007 (In Russ.).
- [7] Bourdieu P. *Sociologija politiki* [Sociology of Politics]. Per. s fr., obsch. red. i predisl. N.A. Shmatko. Moscow; 1993 (In Russ.).
- [8] Bourdieu P. *Praktičeskij smysl* [Practical Meaning]. Saint Petersburg; 2001 (In Russ.).
- [9] Bourdieu P. Razlicenie: socialnaja kritika suzhenija [Distinction: A social critique of the judgment]. Per. s fr. O.I. Kirčhik. *Ekonomičeskaja Sociologija*. 2005: 6 (3) (In Russ.).
- [10] *Grani rossijskogo obrazovanija* [Dimensions of Russian Education]. Moscow; 2015 (In Russ.).
- [11] Simmel G. O skreschenii socialnyh krugov [On intersecting social circles]. Simmel G. *Izbrannoe*. Vol. 2. Moscow; 1996 (In Russ.).
- [12] Latov Yu.V., Petukhov V.V. Vypolnjajut li rossijskie srednie sloi rol socialnogo stabilizatora (po dannym sociologičeskikh oprosov)? [Do the Russian middle strata play the role of a social stabilizer? (based on opinion polls)]. *Monitoring Obschestvennogo Mnenija: Ekonomicheskie i Socialnye Peremeny*. 2017: 6 (In Russ.).
- [13] L'vov D. Strategija razvitija Rossii [Strategy for the development of Russia]. http://www.perspektivy.info/table/strategija_razvitija_rossii_2007-03-16.htm (In Russ.).
- [14] Ethington P.J. The intellectual construction of 'social distance': Toward a recovery of Georg Simmel's social geometry. *Cybergeo*. 1997: 30.